

М. С. Федорко

старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова

**ОТДЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА ФРАНЦИИ,
ГЕРМАНИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Гражданские кодексы Франции, Германии и Российской Федерации в последнее время претерпели существенные изменения, как структурного, так и содержательного характера, что явилось логическим завершением проводимых в указанных странах реформ. Появились новые институты, извлечены устаревшие, архаичные положения, заимствованы некоторые решения, отраженные в Принципах европейского договорного права, нашли законодательное закрепление некоторые доктринальные положения. Указанные процессы вызвали большой интерес в научных кругах и обусловили научный дискурс в отношении адаптации новых правовых конструкций в правовых системах рассматриваемых нами государств.

Осветить весь массив законодательных новелл и изменений в рамках данного исследования не представляется возможным, поэтому мы проанализируем лишь отдельные институты гражданского права рассматриваемых нами государств.

Франция. Импульсом для создания проекта модернизации французского обязательственного права, как отмечается в литературе, стал коллоквиум, в центре внимания которого было сравнение действующего французского права с подходами Принципов европейского договорного права [17, с. 13–14]. В 2003 году Институтом Экономического Университета Экс-Марсель III был издан труд «Взгляд на Принципы европейского договорного права и договорное право Франции», авторы которого пришли к выводу, что большинство положений действующего французского законодательства уже давно устарели и целесообразно его модернизировать путем заимствования решений, отраженных в Принципах европейского договорного права. Позднее инициативы Института Экономического Университета Экс-Марсель III были восприняты при подготовке проекта реформы обязательственного права Франции, разработанного в 2005 году [7, с. 125].

В рамках реформирования Французского Гражданского кодекса (далее — ФГК) разными группами юристов были подготовлены три проекта соответствующих изменений:

- проект, разработанный группой, возглавляемой проф. П. Катала;
- проект, подготовленный под руководством проф. Ф. Терре;
- проект Министерства юстиции Франции.

Двенадцатого февраля 2015 г. Конституционный совет Франции решением № 2015–710 DC признал не противоречащим Конституции Французской Республики внесение изменений в ряд законов, включая Гражданский кодекс, постановлениями Правительства.

Законом от 16.02.2015 № 2015–177 о модернизации и упрощении правовых норм и процедур в области правосудия и внутренних дел были определены и закреплены основные направления и идеи реформирования договорного права, уже реализованные в проекте, подготовленном Министерством юстиции Франции и воспринявшем многие положения, сформулированные в двух других проектах.

Проект постановления о реформе права договоров был официально размещен на сайте Министерства юстиции Франции для его публичного обсуждения до 30 апреля 2015 г. Но еще осенью 2014 г. он стал доступен для широкого круга юристов и вызвал активные дискуссии. Десятого февраля 2016 г. было принято Постановление № 2016–131 о реформе договорного права, в результате чего ФГК претерпел как структурные (были исключены некоторые статьи, изменена нумерация статей), так и содержательные изменения.

Новеллы ФГК начали активно изучаться как французскими учеными, так и учеными из других романских юрисдикций (Италия, Испания, Бельгия и др.). На протяжении 2016–2017 годов были изданы научные публикации, книги, посвященные реформе ГК Франции 2016 года. В этой связи следует отметить книгу профессоров Картрайта и Виттакера «The Code Napoléon Rewritten: French Contract Law after the 2016 Reforms», а также

вышедшую в 2016 году книгу под редакцией профессоров Софи Стинс и Санн Янсен «The French Contract Law Reform: a Source of Inspiration?», посвященные реформе французского договорного права.

Большие дискуссии вызвало исчезновение каузы (*cause*) как законного основания обязательства. Первоначально идея каузы была заимствована авторами Кодекса Наполеона из римского права, однако французская доктрина и судебная практика не выработали общепризнанного понятия *cause*. И. С. Перетерский отмечал, что в римском праве *in causa licite* — буквально «дозволенная причина» (латинское *causa obligationis*). Мы переводим этот термин словом «основание», так как оно несколько точнее передает сущность действующего ранее правила ст. 1108 ФГК. Так, *cause* часто определялась как «юридически достаточный мотив», как «непосредственная цель, которую должник предполагает достичь, принимая на себя обязанность»; указывается, что обязанность одной стороны является *cause* для принятия обязанности другой стороной (в двусторонних договорах) и т. п. [19, с. 256].

Таким образом, *cause* в разных ситуациях могла иметь различные значения, а представления о ней во французском праве можно составить, проанализировав ряд ранее действующих положений. Так, кауза могла вовсе отсутствовать, если стороны не имели серьезного намерения на создание договорных отношений (например, договор заключен в шутку), а также если исполнение договора невозможно (например, предмет договора погиб еще до заключения договора). Прежняя ст. 1131 ФГК оперировала понятиями «ложная» и «незаконная» кауза. Кауза договора считалась ложной, если стороны полагали, будто у

сделки есть определенная правовая основа, а она на самом деле отсутствовала (например, соглашение о выплате долга, которого в действительности не было). Незаконная кауза представляла собой основание, запрещенное законом, когда оно противно добрым нравам или публичному порядку.

Легко заметить, что французской каузе созвучны известные праву континентальных стран категории: мнимая (фиктивная) сделка; невозможность исполнения; существенное заблуждение; сделка, нарушающая требования закона; сделка, совершенная с целью, противной основам правопорядка и нравственности.

Исключив каузу из числа оснований действительности сделки, французский законодатель перераспределил ранее выполняемые ею функции между другими правовыми конструкциями. Так, в соответствии со ст. 1162 ФГК договор не может нарушать основы правопорядка ни своими условиями, ни своей целью, независимо от того, была ли последняя известна всем сторонам [3, ст. 1162]. Норма ст. 1169 ФГК устанавливает, что возмездный договор недействителен, если в момент его заключения встречное предоставление, которое согласилась принять сторона договора, является иллюзорным или незначительным [3, ст. 1169].

Германия. Поэтапное реформирование гражданского законодательства Федеративной Республики Германии началось с 2002 года в связи с принятием 10 ноября 2001 г. Бундестагом Закона о модернизации обязательств, вступившего в силу 1 января 2002 г. В результате этого отдельные положения обязательственного права ГГУ претерпели изменения.

В ГГУ были закреплены нормы о преддоговорной ответственности.

Следует отметить, что для немецкого права доктрина *преддоговорной ответственности* (*Verschulden bei Vertragsschluss*) является весьма важной, а ее концепция впервые была сформулирована в знаменитой работе Рудольфа фон Иеринга 1861 года [9]. Суть доктрины состоит в том, что сторона переговоров о заключении договора, ведущая себя упречно, должна возместить другой стороне причиненные ей убытки, в том числе в результате незаключения или недействительности договора. Доктрина *culpa in contrahendo* возлагает на стороны коммерческих переговоров обязанность вести их добросовестно, то есть учитывать интересы партнеров, в том числе снабжать их необходимой для принятия решения (правдивой) информацией.

Спустя столетие после принятия ГГУ доктрина преддоговорной ответственности, наконец, пробила себе дорогу в ГГУ в ходе реформы 2002 года. Конструкция преддоговорной ответственности закреплена в ряде норм ГГУ. Правило о преддоговорной ответственности содержится в статье ГГУ, озаглавленной «Обязательства, возникающие на основании сделок и правоотношений, аналогичных сделкам (*rechtsgeschäftsähnliche*)» (§ 311 Abs. 2). Согласно этой статье, обязанность сторон учитывать «права, правовые интересы и другие интересы» друг друга возникает, в частности, в результате вступления в переговоры, подготовки договора и подобных деловых контактов. В случае нарушения этой обязанности возможно взыскание причиненных нарушением убытков (§§ 280, 282).

Следует отметить, что в немецком праве существует также доктрина *постдоговорной ответственности* (*culpa post contractum finitum / culpa post pactum perfectum*), во многом схожая с доктриной преддоговорной ответственности. В случае некоторых обязательств у сторон возникают обязанности по отношению друг к другу, не прекращающиеся с исполнением обязательства.

Изменения коснулись положений о договоре купли-продажи. Прежде всего, следует отметить норму, в соответствии с которой продавец обязан поставлять товар, свободный от «физических и правовых недостатков» (*Sach- und Rechtsmängel*) (§ 433). До реформирования обязательственного права средства защиты прав кредитора при нарушении должником обязательства зависели от вида нарушения. В настоящее время средствами правовой защиты покупателя являются: право выбора между ремонтом и заменой купленной вещи на новую («*Nacherfüllung*», или «*послепродажное исполнение*»), которое является основным, а также снижение покупной цены (*Minderung*, п. 2 § 437, § 441 ГГУ), расторжение договора (*Rücktritt*, § 437, 440, 323, п. 5 § 326 ГГУ), взыскание убытков и возмещение понесенных расходов (*Schadensersatz und Ersatz vergeblicher Aufwendungen*, § 437, 440 ГГУ), оставление без удовлетворения требования продавца об уплате покупной цены (*Mangeleinrede*, п. 4, 5 § 438, § 218 ГГУ).

Взыскание убытков, вызванных дефектным товаром, и возмещение понесенных расходов осуществимо для покупателя лишь в случае, когда дефект обусловлен виной продавца. Однако бремя доказывания отсутствия вины лежит на продавце, что указывает на презумпцию вины продавца в поставке дефектного продукта.

В соответствии с § 433 товар свободен от физических недостатков, если он имеет «предусмотренное договором качество» (*vereinbarte Beschaffenheit*). На случай отсутствия явной договоренности о качестве норма устанавливает, что товар должен быть пригодным для использования, подразумеваемого договором, а также для «обычного» использования (*gewöhnliche Verwendung*). В § 435 ГГУ дается понятие «правовых недостатков» товара (*Rechtsmangel*), которые представляют собой обременение товара какими-либо правами третьих лиц, не упомянутыми в договоре.

В § 434 ГГУ предусмотрена ответственность за отсутствие у вещи качеств, публично указанных продавцом. Речь идет о том, что вещь (продукт) признается дефектной, если не отвечает тому характеризующему ее описанию, которое продавец или его представитель делают публично, — например, в рекламных текстах, описаниях продаваемых товаров и т. п. При отсутствии такого описания применяются общие критерии оценки качества вещи.

Концепция добросовестности была и остается ключевой для немецкого обязательственного права. В соответствии с § 242 должник в обязательстве «обязан исполнить обязательство добросовестно (*nach Treu und Glauben*) с учетом обычаев гражданского оборота». Новеллой стала норма § 241 Abs. 2, в соответствии с которой в некоторых случаях сторона обязана учитывать «права, правовые интересы, иные интересы» (*Rechte, Rechtsgüter und Interessen*) другой стороны.

По немецкому праву должник отвечает только за умысел и неосторожность (*Vorsatz und Fahrlässigkeit*), если

иное прямо не предусмотрено (условиями обязательства) или не вытекает из существа обязательства. Неосторожность при этом определяется как отсутствие «необходимой заботливости» (*erforderliche Sorgfalt*). Договорное освобождение от ответственности за умысел не допускается (§ 276 ГГУ).

В соответствии с § 280 ГГУ, если должник нарушил свое обязательство, то кредитор может потребовать возмещения убытков (*Schadensersatz*). Исключением является случай, когда нарушение обязательства не зависело от должника (*wenn der Schuldner die Pflichtverletzung nicht zu vertreten hat*). Таким образом, по общему правилу убытки взыскиваются лишь при наличии вины должника.

Убытки, в соответствии с § 249, определяются таким образом, чтобы привести пострадавшую сторону в такое состояние, как если бы нарушения не было, и включают в себя реальный ущерб и упущенную выгоду (§ 252). В соответствии с § 281 ГГУ кредитор может потребовать выплаты убытков вместо исполнения обязательства (*Schadensersatz statt der Leistung*). Либо, в соответствии с § 284 ГГУ, вместо исполнения обязательства — возмещения своих расходов, которые он совершил, рассчитывая на исполнение обязательства должником (*Ersatz vergeblicher Aufwendungen*).

Что касается системы немецкого деликтного права (*Deliktsrecht*), то она представляет собой один из центральных институтов частного права, который с момента вступления ГГУ в силу претерпел много изменений и дополнений в деталях, но его система и заложенные принципы существуют до сих пор. Характерной особенностью немецкого деликтного права является отказ от концепции

генерального деликта и использование конструкции, сочетающей в себе как общее понятие деликта, так и ряд его отдельных составов, закрепленных в соответствующих нормах ГГУ. Как справедливо отмечается в литературе, германская модель деликтного права обладает настолько выраженной спецификой, что «выкристаллизовывается» в совершенно самостоятельную систему деликтного права, которая, несмотря на то, что в целом гражданское законодательство Германии относится к континентальной системе права, в отношении построения структуры и содержания деликтной ответственности намного ближе к английскому праву, чем французская правовая модель деликтной ответственности [8, с. 16].

Российская Федерация. В результате реформирования Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) пополнился правовыми конструкциями и институтами, которые были заимствованы как из права стран англо-американской, так и континентальной правовой семьи. При этом, как отмечает профессор Л. В. Санникова, качество законодательного материала таково, что бизнес, активно выступавший за легализацию правовых конструкций стран общего права, увидел многочисленные правовые риски в случае их использования в российских реалиях. В связи с этим перед правоприменителями стоит задача адаптировать новые правовые конструкции в отечественной правовой системе [14, с. 442].

Претерпел изменения институт обеспечения исполнения обязательств. В соответствии с новыми положениями ГК РФ гарантию теперь сможет выдавать любая коммерческая организация, а не только банки, иные кредитные учреждения или страховые организации. *При этом в силу*

п. 3 ст. 368 ГК, если лицо, выдавшее независимую гарантию, не коммерсант, то к этой односторонней сделке должны применяться правила о поручительстве. Положение о независимой гарантии, по мнению С. В. Сарбаша, явилось результатом гармонизации с Унифицированными правилами и обычаями для документарных аккредитивов Международной торговой палаты в ред. 1993 г. [15, с. 39].

В результате реформирования гражданского законодательства в сфере обязательственного права появилась статья 308.3 ГК РФ, получившая название «Защита прав кредитора по обязательству». В соответствии с данной статьей в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, а на случай неисполнения решения суда предусмотрена возможность кредитора требовать присуждения в свою пользу денежной суммы (судебного штрафа). Устанавливаемая указанная сумма должна на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения сторон обязательственных отношений. Например, при вынесении решения, обязывающего ответчика выполнить определенные действия (передать ключи от квартиры, освободить незаконно занимаемое жилое помещение) истец имеет право просить, а суд имеет право вынести решение о присуждении ответчику денежного штрафа за неисполнение обязательства. Указание в ст. 308.3 ГК РФ на запрет извлечения выгоды должником из своего незаконного или недобросовестного поведения обуславливает назначение судебного штрафа в таком размере, который бы делал более выгодным добросовестное исполнение должником своей обязанности своевремен-

но и в полном объеме, чем неисполнение судебного акта. В этом положении находят проявление стимулирующая и обеспечительная функции судебного штрафа, в связи с чем, его введение видится целесообразным и обоснованным ввиду тотального неисполнения судебных решений.

Следует отметить, что институт судебного штрафа уходит корнями во французское право и в настоящее время известен многим правовым порядкам (Франция, Италия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Португалия и др.). В литературе зачастую этот институт именуется «астрент» (от фр. *l'astreint* — выплата по штрафным санкциям). В Принципах УНИДРУА рассматриваемый институт также получил закрепление. Так, в соответствии со ст. 7.2.4, если суд обязывает сторону произвести исполнение, он может также предписать ей уплатить штраф, если она не исполнит его решение. При этом, штраф уплачивается потерпевшей стороне, что не исключает каких-либо требований об убытках [1, ст. 7.2.4].

В результате реформирования ГК РФ кардинально изменились подходы к возмещению убытков. Появилась норма, согласно которой возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. В соответствии с п. 5 ст. 393 ГК РФ «размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть уста-

новлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства» [4, ст. 393].

Идея этой новеллы Гражданского кодекса РФ была заимствована из Принципов УНИДРУА, в соответствии с п. 1 ст. 7.4.3 которых компенсации подлежит только ущерб, включая будущий ущерб, который установлен с разумной степенью достоверности [1, ст. 7.4.3].

На преимущества указанной новеллы ГК РФ неоднократно указывалось в литературе. Основным аргументом в её пользу называлось снижение стандарта доказывания размера убытков [10; 11].

Как отмечают российские исследователи, «востребованность судами норм ст. 393 ГК РФ медленно растет независимо от реформ, однако в 2016 г. этот рост ускорился и затронул в основном те иски, где требование о взыскании убытков является дополнительным к основному исковому требованию. Всё это вместе говорит о том, что реформа стандартов доказывания сработала в нужном направлении и можно ожидать роста доверия оборота к правовому механизму взыскания убытков за нарушение договора [18, с. 57].

В ГК РФ также введен институт потерь, конструкция которого является весьма противоречивой, что вызвало оживленный научный дискурс. В связи с этим мы хотим уделить ему особое внимание. Как следует из ст. 406.1: «Стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной сторо-

ны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной (потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т. п.). Соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения» [4, ст. 406.1]. Следует обратить внимание на независимость оговорки о возмещении потерь, которая означает, что в случаях признания договора недействительным или незаключенным условие о возмещении потерь все равно сохраняет свою силу.

По мнению А. Г. Карапетова, практическая потребность во введении этой статьи состоит в том, что «достаточно часто стороны договариваются о распределении рисков возникновения сопутствующих договору потерь. По сути, речь идет об убытках, возникающих у одной из сторон в связи с заключением, исполнением или прекращением договора, но не вытекающих из факта нарушения договорного обязательства другой стороной» [12, с. 81].

Возложение на сторону соглашения о возмещении потерь дополнительного имущественного обременения сближает рассматриваемую правовую конструкцию с убытками, что, видимо, и позволило А. Г. Карапетову назвать конструкцию потерь «убытками». Детализируя вышеуказанное определение А. Г. Карапетова, отметим, что с экономической точки зрения потери смешиваются с понятием убытков, поскольку также представляют собой определенные утраты в имущественной сфере лица, выра-

жающиеся в денежной форме, влекущие уменьшение материальных и денежных ресурсов. Однако, с точки зрения гражданского права, убытки следует отличать от потерь, поскольку последние не связываются с нарушением обязательства, то есть не являются формой ответственности, поэтому к ним не применяются ни основания, ни условия, ни принципы, применимые при возмещении убытков. Основанием для возмещения потерь могут выступать обстоятельства, определенные сторонами в соглашении о возмещении потерь и не связанные с нарушением обязательства его стороной.

В связи с отмеченным не ясна логика законодателя, поместившего ст. 406.1 ГК РФ, содержащую нормы о возмещении потерь, в гл. 27 «Ответственность за нарушение обязательства».

Верховный суд РФ при толковании данной нормы в п. 15 постановления Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [5, п. 15] уточнил, что речь идет не о любых обстоятельствах, указанных сторонами, а о тех, которые каким-либо образом связаны с исполнением, изменением или прекращением обязательства между сторонами либо с его предметом и не являются нарушением обязательства. В ст. 406.1 ГК РФ приводится неисчерпывающий перечень таких обстоятельств: невозможность исполнения обязательства, предъявление требований третьими лицами или органами власти к стороне или к указанному в соглашении третьему лицу.

Анализируя положение ч. 1 ст. 406.1 ГК РФ, закрепляющее обязанность сторон определить размер возме-

ния потерь при заключении договора, можно обнаружить противоречие этой нормы с самой сущностью имущественных потерь, которые не могут представлять заранее определенную величину, поэтому стороны не могут до возникновения обстоятельств определить размер потерь в договоре.

Следует отметить, что прототипом института потерь, предусмотренного ст. 406.1 ГК РФ является институт индемнити (*indemnity*), зародившийся в английском праве и применяющийся в настоящее время в США, Великобритании, Индии, Австралии, Норвегии и других странах. Конструкция индемнити применяется и в международных контрактах, которые, по общему правилу, подчиняются англосаксонскому праву, что, как отмечается в литературе, и послужило основной причиной закрепления в Гражданском кодексе РФ аналогичного индемнити института возмещения потерь [14, с. 441].

Практика применения *indemnity* в зарубежном праве имеет свою специфику, в зависимости от конкретной юрисдикции, однако в любом случае сущность *indemnity* предполагает возмещение реальных потерь, которые уже понесены и размер которых можно определить, что свидетельствует о невозможности заранее определять их размер.

Относительно указанного противоречия нормы ч. 1 ст. 406.1 ГК РФ интересными представляются суждения некоторых российских авторов. Так, по мнению Е. И. Четыруса, «понятия «пределы предусмотренной договором суммы» и «размер возмещения потерь» являются одинаковыми по смыслу... а в соглашении разумно использовать некий предел возмещения, формулируя его как определенную верхнюю границу — максимальную сумму

возможного возмещения» [20, с. 41]. Аналогичного мнения придерживается А. Г. Архипова, по мнению которой, данное положение следует толковать *contra legem*, то есть «в обход закона», и понимать как обязывающее стороны устанавливать предел, а не размер возмещения [6].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» попытался сгладить противоречие ч. 1 ст. 406.1, и указал, что возмещение потерь допускается, если доказано, что они уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем.

Становится очевидным, что норма ч. 1 ст. 406.1, в части согласования размера возмещения потерь, противоречит самой сущности *indemnity*, который носит компенсационный характер, а вышеуказанное Постановление лишь подтверждает реальный характер потерь, подлежащих возмещению.

В связи с вышеизложенным считаем, что норму ч. 1 ст. 406 ГК РФ толковать «в обход закона» недопустимо, и, с точки зрения правовой определенности, указанная норма, в части согласования сторонами договора размера потерь, требует корректировки в соответствие с логикой, заложенной в самой конструкции возмещения потерь.

Противоречивой является норма п. 3 ст. 406.1 ГК РФ, предусматривающая, что по общему правилу потери возмещаются независимо от признания договора незаключенным или недействительным, что не согласуется с п. 1 ст. 167 ГК РФ, устанавливающим правовые последствия

недействительных сделок. Пленум ВС РФ в постановлении от 24 марта 2016 г. № 7 несколько сгладил отмеченное противоречие, указав, что отдельное соглашение или включенное в текст договора условие о возмещении потерь может быть признано недействительным самостоятельно, например, по основаниям, предусмотренным ст. 168–179 ГК РФ. В таком случае соглашение о возмещении потерь не влечет последствий, на которые оно было направлено.

Новеллой ГК РФ стал институт заверений об обстоятельствах. В соответствии со статьей 431.2 ГК РФ сторона, которая при заключении договора либо до, либо после его заключения, дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения, обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, либо уплатить предусмотренную договором неустойку. Следует отметить, что дефиниция понятия «заверения об обстоятельствах» в ст. 431.2 ГК РФ отсутствует и лишь приводится открытый перечень вопросов, в отношении которых они могут предоставляться: предмет договора, полномочия на его заключение, соответствие договора применимому праву, наличие лицензий и разрешений, финансовое состояние стороны, третье лицо. Как отмечается в литературе, важным моментом является определение того, какие именно обстоятельства являются значимыми для стороны, вступающей в сделку, и здесь, по-видимому, для практикующих юристов будет особое поле деятельности, требующее точности формулировок и определённой доли изобретательности [13, с. 97].

Закрепление института заверения об обстоятельствах породило активное его обсуждение в научных кругах. Одним из ключевых является вопрос о том, можно ли достичь тех же результатов, на которые направлена норма о заверениях, за счёт использования уже существующих институтов ГК РФ, в частности, признания сделки недействительной? Сопоставление ст. 431.2, ст. 178 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения» и ст. 179 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств» позволяет прийти к выводу, что последствия предоставления недостоверных заверений по ст. 431.2 ГК РФ отличаются от последствий недействительной сделки, предусмотренных в статьях 178 и 179 ГК РФ. Так, пострадавшая сторона в соответствии со ст. 431.2 ГК РФ вправе требовать возмещения убытков или уплаты договорной неустойки, не прибегая к признанию сделки недействительной. Таким образом, ст. 431.2 ГК РФ выделяет право на взыскание убытков в случае недостоверности заверений в качестве самостоятельного средства защиты, которое можно применять и без оспаривания сделки в отличие от норм статей 178 и 179 ГК РФ, в соответствии с которыми взыскание убытков обусловлено признанием сделки недействительной.

Если же договор был заключен под влиянием обмана или существенного заблуждения, вызванного такими недостоверными заверениями, то пострадавшая сторона может по своему выбору либо отказаться от договора, либо потребовать признания договора недействительным по ст. 179 или 178 ГК РФ (ч. 3 ст. 431.2 ГК РФ).

В отношении заверений об обстоятельствах действует ряд презумпций, что также повышает эффективность защиты пострадавшей стороны. Так, если заверения даны при осуществлении предпринимательской деятельности (или в связи с корпоративным договором либо договором об отчуждении акций или долей), информативность стороны, давшей заверения, презюмируется. Также презюмируется, что сторона, давшая недостоверные заверения, знала о том, что контрагент будет на них полагаться (п. 4 ст. 431.2 ГК РФ).

Новеллой ГК РФ является закрепленный в ряде норм (п. 2, п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 2 ст. 431.1 и п. 5 ст. 450.1) принцип «эстоппель» (англ. *estoppel*, от англ. *estop* — лишать права возражения), зародившийся в Великобритании. Как отмечается в литературе, «принцип эстоппель выражается в лишении стороны права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их ввиду ранее ею же сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне в процессе судебного разбирательства. Главная задача принципа эстоппель — не допустить, чтобы вследствие непоследовательности в своем поведении сторона получила выгоду в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной» [16, с. 207].

Таким образом, сторона лишается права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их ввиду того, что ранее ею были осуществлены действия, свидетельствующие об обратном, то есть сторона не должна противоречить сама себе. Например, в соответствии с п. 5 ст. 450.1 ГК РФ «в случаях, если при наличии оснований

для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается» [4, ст. 450.1].

Примером законодательного закрепления принципа эстоппель может также послужить п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, в соответствии с которым «сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным» [4, ст. 431.1]. Исключения составляют случаи, когда договор признается недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 173 ГК РФ (сделка юридического лица, совершенная в противоречии с целями его деятельности), ст. 178 ГК РФ (сделка, совершенная под влиянием существенного заблуждения), ст. 179 ГК РФ (сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств).

Аналогичная норма п. 3 ст. 432 ГК РФ предусмотрена относительно признания договора незаключенным: «сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (пункт 3 статьи 1)» [4, ст. 432].

С сентября 2013 года в статье 166 ГК РФ о недействительности сделок появились два новых правила, основанных на принципе эстоппель — это пункт 2 (по оспоримым сделкам) и пункт 5 (по ничтожным сделкам). Эти правила запретили оспаривать сделку стороне, чьё поведение после заключения сделки свидетельствовало о ее намерении сохранить сделку.

Впервые в ГК РФ урегулирован порядок ведения переговоров и предусмотрена ответственность за недобросовестное их ведение. Так, в соответствии со статьей 434.1 ГК РФ не допускается вступление в переговоры или их продолжение с недобросовестными целями, при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения. Как следует из ст. 434 ГК РФ, в случае ведения переговоров о заключении договора при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной виновная сторона обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки. При этом убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом.

В новой редакции ГК РФ были уточнены правила об одностороннем отказе от исполнения обязательства. В частности, стороне по обязательству, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность, было предоставлено право отказаться от договора в одностороннем порядке. Так, пунктом 2 ст. 310 ГК РФ предусмотрено, что в случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его

сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательскую деятельность, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне [4, ст. 310].

Подводя итог изложенному, отметим, что большинство рассмотренных нами новелл в области обязательственного права направлены на обеспечение и реализацию требований добросовестности и разумности участников гражданского оборота и призваны повысить уровень договорной дисциплины. Безусловно, позитивным является то, что законодатель закрепил определенные гарантии удовлетворения имущественных интересов кредитора. Однако заслуживает внимания и обуславливает дальнейшее исследование построение некоторых конструкций, реализация которых в правоприменительной практике может вызвать определенные трудности.

Литература

1. Принципи міжнародних комерційних договорів (Принципи УНІДРУА (UNIDROIT) [Електронний ресурс] — Режим доступу : <http://zakon5.rada.gov.ua/>— Назва з екрана.
2. Германское Гражданское Уложение — Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gesetze-iminternet.de/englisch_bgb/index.html/— Название с экрана.
3. Гражданский кодекс Франции — Code Civil des Français [Электронный ресурс] — Режим доступа : <https://www.legifrance.gouv.fr/>— Название с экрана.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://base.garant.ru/10164072/>— Название с экрана.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/71360358/paragraph/1:1> — Название с экрана.
6. Архипова А. Г. Тезисы к научному круглому столу «Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ». 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://mlogos.ru/img/Tezis_ArhipovaA_02072015.pdf. — Название с экрана.
7. Ахаимова Е. А. Развитие обязательственного права Франции под воздействием принципов европейского договорного права [Текст] /Е. А. Ахаимова // Современное право. — 2010. — № 1. — С. 125–129.
8. Егорова М. А. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве / М. А. Егорова: Учебное пособие / отв. ред. доктор юрид. наук М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2017. — 376 с.
9. Иеринг Р. Culpa in contrahendo, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров [Текст] / Р. фон Иеринг ; пер. с нем. М. Б. Жужжалова // Вестник гражданского права. — 2013. — Т. 13, № 3. — С. 190–266.
10. Карапетов А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд / А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия. — 2014. — № 11; 12. — С. 24–80; 24–73.
11. Карапетов А. Г. Средства защиты прав кредитора в свете реформы гражданского законодательства // Вестник гражданского права. — 2009. — Т. 9, № 4. — С. 163–195.
12. Карапетов А. Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406.1 ГК РФ / А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2016. — № 5 — С. 80–98.
13. Нестерова Э. Э. Новые формы защиты от недобросовестного поведения контрагента / Э. Э. Нестерова // Правовое поле современной экономики. — 2015. — № 8. — С. 94–103.
14. Санникова Л. В. Возмещение потерь в странах общего права и в России / Л. В. Санникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2016. — Вып. 34. — С. 440–450.

15. Сарбаш С. В. Реформа обязательственного права России : Доклад ; сделан в рамках Недели российского коммерческого права в Лондоне (15—19 ноября 2010 г.) // Закон. — 2011. — № 1. — С. 39.
16. Седов А. Ю., Иванова Т. Н. Принцип эстоппель в гражданском праве России / А. Ю. Седов, Т. Н. Иванова // Россия и мир в поисках новых решений: экономика, право, гуманитарные науки. Доклады научно-практической конференции (Москва, 15—23 ноября 2016 г.) / Международный институт экономики и права; под общ. ред. Ф. Л. Шарова. — М. : МИЭП, 2017. — 400 с.
17. Синявская М. С. Нарушение договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2007. — 33 с.
18. Фогельсон Ю. Б. Практика взыскания договорных убытков / Ю. Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 11. — С. 57—70.
19. Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 года: Перевод с французского / Пер.: Перетерский И. С. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. — 471 с.
20. Четырус Е. И. Возмещение потерь, не связанных с нарушением обязательств / Е. И. Четырус // Журнал российского права. — 2016. — № 9 (237). — С. 38—43.